

Пролог

Порт-Артур, февраль–март 1904 года

24 февраля у моряков в Артуре случился двойной праздник. Во-первых, из Питера поездом прибыл долгожданный новый командующий. Во-вторых, как по заказу, в день его приезда наконец-то удалось снять с мели подорванный еще в первую ночь войны «Ретвизан» и ввезти его в гавань.

Эскадра ожила. Ведь Макаров потребовал от командиров своих кораблей невиданного — проявлять инициативу!

После объезда всех кораблей рангом выше миноносца Степан Осипович собрал у себя командиров и устроил разнос тем, кто до сих пор не сдал в порт мины заграждения и не установил дополнительные заслонки на амбразурах рубок. На робкие попытки возразить, что, мол, «приказа, точно регламентирующего ширину щели, пока не было», Макаров начал фитилить с главным лейтмотивом: «Вы здесь с лекарем с “Варяга” встречались на три недели раньше, чем со мной, и он вам об этом говорил. А командир корабля обязан сам делать выводы, как именно поддерживать вверенный ему корабль в боеготовом состоянии».

Увы, отложенных «до усмотрения» новым командующим вопросов было множество. По части обучения экипажей каждого корабля в отдельности тому, что предстоит делать в бою, на первый взгляд положение было не столь пугающе, как громаде навалившихся судоремонтных и модернизационных работ. Но при условии дружной работы всех — от командира до молодого матроса — можно было многое наверстать.

Адмирал в заключение и высказался именно в таком ключе:

— Успех наш возможен, господа, если каждый задастся целью работать не в силу только приказаний начальства, но из сознания, что, как бы ни была незначительна его личная роль, добросовестное ее выполнение может в иных случаях иметь решающее значение. Так, как это было при Чемульпо. Именно так в ситуации практически безысходной и безнадежной поступили наши герои с «Варяга». И победили!

Если простому, рядовому комендору внушить, что один удачный выстрел его орудия, разрушивший боевую рубку неприятельского броненосца, может решить участь боя, то ведь эта мысль наполнит все его существование! Он даже ночью, даже во сне, будет думать о том, как возьмет на прицел неприятеля! А в этом заключена вся суть дела. Уметь желать — это почти достигнуть желаемого. Теперь уж поздно нам вести систематические учения и занятия по расписанию. Каждый командир, каждый офицер-специалист, каждый заведующий отдельной, хотя бы и самой маленькой частью на корабле должен ревниво, как перед Богом, как на Страшном суде, выискивать свои недочеты и все силы отдавать на их устранение. В этом деле и начальство, и подчиненные — первые его помощники.

Нельзя бояться ошибок и увлечений. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. От работы, даже направленной по ложному пути, от такой даже, которую пришлось бы потом бросить, остается опыт. От безделья же, хотя бы оно было вызвано самыми справедливыми сомнениями в целесообразности дела, ничего не остается. Помните, что мы не знаем, как считать свое свободное время, данное нам на подготовку к решительному моменту, — месяцами, днями или минутами. Раскачиваться некогда. Выворачивайте смело весь свой запас знаний, опытности, предприимчивости. Старайтесь сделать все, что можете. Но обязательно думайте, предпринимая те или иные шаги. Безоглядного безрассудства война не терпит. Конечно, невозможное останется невозможным, но все возможное должно быть сделано. Главное, чтобы все, понимаете — ВСЕ — прониклись сознанием всей огромности возложенной на нас задачи. Осознали всю тяжесть ответственности, которую самый маленький чин несет перед Родиной! Дай Бог, в добрый час!

* * *

Адмирал, как ни быстро собрался в путь-дорогу, ничего не забыл, обо всем помнил и наперед многое предвидел. Вместе с ним приехали из столицы в Артур корабельные инженеры и мастеровые старшего помощника судостроителя Кутейникова с Балтийского завода, а также полковник Меллер и с ним целая партия рабочих и мастеров с орудийного Обуховского. В порту и мастерских все зашевелилось.

Тотчас энергично двинулась постройка кессона для «Цесаревича», до того бывшая под сомнением, поскольку пробоина не только находилась в корме, где корпус броненосца сам по себе имел

сложную форму, но еще и в районе дейдвуда. В итоге пришлось делать еще и лекальную «пробку» между корпусом и дейдвудом, с установкой которой все сооружение достигало должной герметичности. При ремонтах «Полтавы» и «Пересвета» смогли обойтись без кессонов вовсе, а старый для «Ретвизана» признали негодным и выстроили новый. Самоотверженно трудились вольные техники и водолазы Ревельской спасательной компании, поменявшие лопасть винта на «Севастополе» с помощью кессонколокола.

В артиллерийских складах, где в полном пренебрежении валялись орудия и части их установок, забранные еще в 1900 году из тянь-тзинского арсенала, начали разбираться. Кое-что, пропавшее бесследно, сделали вновь в мастерских порта и в итоге предоставили на сухопутную оборону до сорока орудий. На батарее Электрического утеса доработали станки, благодаря чему возможный угол обстрела орудий увеличился на 5 градусов.

После громадных нагрузок дневных работ и учений отдыхать приходилось урывками: чуть ли не каждую вторую ночь на внешнем рейде происходила локальная мясорубка. Макаров учел мнение Руднева и никогда не отправлял в дозор меньше четырех миноносцев одновременно. Кроме них, на внешнем рейде, как правило, дежурил минимум один старый, но опасный для миноносцев противника минный крейсер, «Всадник» или «Гайдамак». С них сняли минные аппараты и 47-миллиметровые пугачи и распахали вместо них по полдюжине трехдюймовок. Обычно на рейд выходила еще канонерка, а в готовности под парами каждую ночь стояла пара крейсеров.

Уже через две недели выяснилась разница в подготовке и характеристиках крейсеров, их командиров

и команд. Идеальным борцом против миноносных судов оказался «Новик» под командой Николая Оттовича фон Эссена, закончивший ремонт пробойны от попадания в корму крупного снаряда в первый день войны. Высокая скорость, шесть скорострельных 120-миллиметровок, а также дерзость и бесстрашие его командира позволяли «Новику» занимать выгодное положение для расстрела миноносцев противника и вовремя уворачиваться от ответных минных атак. Вскоре он записал на свой счет два миноносца и минный катер.

Правда, после войны выяснилось, что на самом деле оба миноносца японцы дотащили на буксире до Чемульпо и после ремонта ввели в строй, но утопление тараном минного катера действительно имело место. Впрочем, японцы в долгу не остались, по докладам командиров миноносцев, достававший их «Новик» был потоплен самодвижущимися минами минимум два раза. На деле единственными повреждениями нашего лихого крейсера второго ранга были три пробойны от 75- и 57-миллиметровых снарядов. Никто на борту даже не был ранен.

Вторым по боевой эффективности оказался броненосный «Баян» под командой Роберта Николаевича Вирена. «Аскольд» проявил себя в единственном для него ночном столкновении вполне неплохо, но Макаров предпочитал использовать его в дневных разведывательных выходах. Он, так же как и «Варяг» с «Богатырем», был недотягиваем для броненосных крейсеров японцев и слишком силен для их бронепалубников.

Зато «богиня» отечественного производства — «Диана» (ее сестра близняшка «Паллада» еще не вышла из дока, где ей не торопясь — в первую

очередь работы велись на броненосцах — устраняли повреждения от минной атаки в первый день войны) — оказалась не слишком эффективной. Ее многочисленные 75-миллиметровки работали только на близких дистанциях, подойти на которые к миноносцам самому медлительному нашему крейсеру первого ранга было практически нереально. Правда, и японские миноносцы ее предпочитали обходить стороной.

Посмотрев на эту немощь, Макаров загадочно хмыкнул — «и тут не соврал варяжский врачеватель» — и приказал снять с «богинь» больше половины 75-миллиметровых пушек, заменив их на четыре шестидюймовки, взятые с берега. А освободившиеся 75-миллиметровки установить по одной на корме каждого миноносца. После этой простой, как табуретка, меры русские миноносцы наконец-то уравнились в огневой мощи со своими японскими визави.

* * *

Макаров тотчас по прибытии в Порт-Артур объявил приказами диспозиции походного и боевого строя. В тех же приказах были им даны общие руководящие правила для действия артиллерией и маневрирования отдельных судов в тех или иных обстоятельствах боя. До сих пор подобного не было.

Немедленно был учрежден им из портовых судов и миноносцев «Тральный караван», в чем, несомненно, большая заслуга и флагманского минера эскадры Константина Федоровича фон Шульца, и информации о японских планах «минной войны», переданной Рудневым из Владивостока. И теперь каждый день на тщательно протральный спозаранку

внешний рейд для отработки совместного маневрирования выходили по несколько кораблей.

Но сразу заставить всех эффективно «крутиться» в новом ритме, да еще и принимать правильные решения в быстро меняющейся обстановке, не получилось. Убедиться в этом пришлось уже 27 февраля. В тот день — слыханное ли дело — *вся* порт-артурская эскадра впервые вышла на внешний рейд за время одной утренней полной воды в промежуток около двух часов. И вошла в гавань с шести до семи часов вечера по вечерней полной воде.

Неприятель скрылся бесследно...

Эскадра, выйдя в море, занялась эволюциями. Пользуясь отсутствием японцев, корабли усиленно маневрировали, вскоре выйдя на большие глубины, где мин можно было особо не опасаться. Причем адмирал сразу повел всю колонну на коротких интервалах, рассчитывая встряхнуть командиров, заставить почувствовать себя в строю.

Увы, результат получился довольно неожиданный и далеко не утешительный. Судя по всему, адмирал просто «загонял» отвыкших от такого ритма командиров. Когда эскадра уже подходила к Тигровке и Макаров приказал сбавить ход, три броненосца имели столкновение! Хотя сигнал был всеми принят, отрететован и понят, но, как на грех, у «Севастополя» случилось какое-то повреждение по машинной части. В итоге ему изрядно попало в корму, но об этом приказано было не распространяться. Он был протаранен накатившим «Пересветом».

По счастью, настоящей пробоины не получилось, а только щель в разошедшихся листах обшивки, да еще была погнута одна из лопастей правого гребного винта, которую пришлось впоследствии менять при посредстве кессона-колокола. Однако

и «Пересвету» столкновение не прошло даром — он слегка свернул себе на сторону таран и получил течь в носовой части. «Севастополь» не остался в долгу и ткнул «Полтаву», тоже наградив ее щелью под кормовой башней. Такими были наглядные результаты стояния в вооруженном резерве.

Можно представить душевное состояние Степана Осиповича, молча и сосредоточенно наблюдавшего весь этот «компот» с мостика «Петропавловска». О чем уж тут было говорить? Калек и хромоногих у нас прибыло. Полностью боеспособных броненосцев осталось *два*. А к этому нужно прибавить выход из строя многих шестидюймовок при проведенных стрельбах — сдавали то накатники, то подъемные дуги...

Кое-кто в крепости даже ожидал непоправимого: случись такое столкновение в мирное время, ответственный адмирал был бы отрешен от командования и немедленно отдан под суд. Будь он хоть трижды Макаров. Сейчас же наместник только крепко ругнулся, прочтя рапорт об инциденте, после чего, тяжело вздохнув, добавил:

— Коней на переправе не меняют. Или Рудневу с владивостокскими поначалу легко было?

Глава I

ПРИХОДИТЕ, ГОСТИ ДОРОГИЕ...

Владивосток, 20–26 февраля 1904 года

Закрыв на телеграфе первый пункт повестки дня, Петрович успел в Морской штаб к началу встречи корабельного и берегового начсостава. В пропашем табаком, приземистом одноэтажном деревянном строении с крохотной мансардой, увенчанной

сигнальной мачтой с Андреевским флагом, было тепло и как-то по-особенному, по-домашнему, уютно. В зале, а по нашим меркам — в комнате-тридцатиметровке, уже собрались все приглашенные, что само по себе внушало некоторый оптимизм. Но, как вскоре выяснилось, не вполне оправданный.

Бодро изложив господам офицерам свои мысли о грядущем обстреле крепости эскадрой Камимуры и идеи по борьбе с этой неминуемой напастью, свежее испеченный контр-адмирал и начальник отряда владивостокских крейсеров нарвался на глухую стену недоверия. Причем не на немую. Громче всех злобствовал начальник над портом контр-адмирал Гаупт. Отчасти его можно было понять: большинство работ по авральной колке льда и беспрецедентному доселе минированию обледенелого залива предстояло осуществить именно ему.

При этом Николай Александрович, конечно, не предполагал наперед, что свой пост и шанс дослужиться до вице-адмиральской пенсии сохранил только благодаря личной просьбе Руднева к Алексею. Просьбе, поддержанной самим императором в приватной телеграмме к наместнику. В итоге Евгений Иванович решил не менять его на убранного Макаровым из Артура в конце февраля махрового бюрократа Греве, на время «осевшего» в походном штабе наместника, а в июле переведенного в Севастополь...

— Всеволод Федорович! Ну нельзя же так! — почти срываясь на фальцет, неистовствовал Гаупт. — Я понимаю: только с моря, еще не остыли, везде японцы мерещатся... Но кто же мне разрешит почти весь запас мин разом вываливать в море? Да еще и в Уссурийский залив, куда японцы, скорее всего, вообще до конца войны не сунутся! И притом

вам ведь подавай именно крепостное заграждение*. У меня в порту столько проводов не найдется! Две сотни мин... Одними плотиками не управимся и за неделю. А еще льда в заливе полно. Да тянуть провода еще. И все за два дня? Портовые баркасы еще найду да угольные баржи дам. Две. Слава богу, крейсера погрузились. Но порожних больше не найду. А вот людей свободных у меня сейчас нет. Пусть крепостная рота и их инженеры сами все ставят... Помилуйте великодушно, но сроки вы задаете — ни в какие ворота! И что за фантазии такие, в самом деле?! «Он придет послезавтра!» Может, вы после вашей одиссеи слишком сильно боитесь Камимуры, но...

Но внезапно энергичная и эмоциональная речь командира над портом была прервана разлетевшимися во все стороны осколками блюда. Глаза собравшихся метнулись от вошедшего в полемический раж Гаупта во главу стола, где сидел Руднев. Вернее, уже стоял. Раскрасневшийся и злой. Под его кулаком, которым он секунду назад попытался картинно грохнуть по столу, хрустели окровавленные осколки китайского фарфора. Теперь от боли он завелся по-настоящему.

— Я. Никого. Не боюсь! Я точно знаю, что Камимура придет обстрелять Владивосток. И придет скоро. Нельзя ему иначе! Иначе весь их флот потеряет лицо, а для японцев, самураев, это хуже смерти. А поскольку сам Того пока привязан к Порт-Артуру, нами заниматься будет Камимура. И это — без вариантов. Единственное место, откуда он сможет швырять в нас снаряды, не подставившись под ответный

---

* *Крепостное минное заграждение* — по терминологии начала XX века минное поле, которое можно активировать или дезактивировать с берега простым замыканием ключа, находящегося на берегу. Сейчас такие заграждения называют управляемыми минными полями.

огонь, это бухты Соболев и Горностай. По Артуру Того неделю назад именно так и стрелял. Через горный кряж Ляотешань. Вы об этом не знали? Или уже позабыть успели?.. Поэтому: приказываю переставить «Россию», «Громобоя» и «Богатыря» так, чтобы они уже завтра к вечеру могли вести перекидной огонь по этим акваториям. Корректировать его будет дальномерный пост под командованием лейтенанта Нирода, который его как раз сейчас организывает наподалеку от форта Линевича. Это даст нам преимущество перед японцем, который будет стрелять вслепую...

— Простите, но... — неожиданно прервал Руднева каперанг Трусов.

— У вас что? Возражения?

— Нет, Всеволод Федорович. Соображения.

— Тогда давайте. Слушаем вас, Евгений Александрович.

— Я тут прикинул. Ведь что получается: нам стрелять-то кабельтовых на сорок пять — пятьдесят пять придется. Чтобы до них наши мортиры с Уссурийской батареи не доставали, ближе они скорее всего не подойдут. Так?.. — задал вопрос командир «Рюрика» и, дождавшись утвердительного кивка Руднева, продолжил: — Тогда мой крейсер, увы, вне игры-с. Не токмо таблиц стрельбы нет, мы просто физически не добьем-с*. Да и «России»

---

* Предельная дальность стрельбы на максимальном угле возвышения 20 градусов 8"/45 орудий «России» и «Громобоя» составляла 13 000 м (70 кбт). Орудия 8"/35 «Рюрика» били на 9150 м (49 кбт) при максимальном угле ВН (вертикальной наводки) 15 градусов, 6"/45 орудия системы Канэ крейсеров стреляли максимум на 11 520 м (62 кбт) при угле возвышения 20 градусов. Таким образом, действительная дальность орудий того времени составляла около 60–65 процентов от максимально достижимой при 45 градусах возвышения.